

Григорий Померанц

Наши университеты

Горький, которого мы все в юности читали, назвал свой жизненный путь «Мои университеты». Институт истории, философии и литературы дал мне лекции трех преподавателей, уцелевших во время Большого террора (Винокура, Гриба и Пинского), распоряжение администрации о тайном надзоре надо мной и закрытый путь в аспирантуру. Вторым университетом была война (не война, а одно убийство, – говорили в эвакогоспитале) и вопреки всему – радость риска под огнем. Третьим университетом была школа свободной мысли за колючей проволокой. Там же брошена была мысль, что всё, чему нас учили на лекциях – только один угол, застроенный в европейском стиле, а мы сидим в этом углу, ожидая, пока та или иная бомба не покончит с нами. Так что пора покончить с высокомерием европейцев. Европа перестала быть авангардом истории. Советский авангард не состоялся. Идет формирование глобального диалога. Складывается многоликое единство Земли.

Выйдя на волю по амнистии, весной 1953 г., я стал заглядывать в русские книги по Востоку, но их

было мало, и окошком в мир оказалась работа библиографом в Фундаментальной библиотеке общественных наук. Там я убедился, что без старых цивилизаций Востока, ищущих новые пути, миру не обойтись.

Сегодня мы обладаем массой информации обо всем на свете, но нет никакой уверенности, что какие-то факторы не пропущены и не остались в тени. Более того: в массе поверхностной современности по телевидению, по интернету и т.п. потеряна глубина культуры и какие-то колодцы в глубину в сознании каждого человека. Потерян вкус к трудным книгам, на первое место попадает то, что не мучает совесть и не тревожит ум. Среди читателей классиков Чехов теснит Толстого и Достоевского. Об усталых тружениках, отдыхающих вечером у телевизора, и говорить нечего: сто лет тому назад их дедушки и бабушки были, скорее всего, вовсе неграмотными, но в народных песнях будило их сердце что-то большее, чем в мелькающих кадрах передач. И прогресс формирует смердяковых намного быстрее, чем карамазовых.

Я несколько раз уже предлагал ввести в среднее образование и на первых курсах институтов преподавание основ великих цивилизаций. В диалоге

культур и культурных кругов складывается язык глобального взаимного понимания. А оно совершенно необходимо для выхода из клубка конфликтов, прикрытых общим равнодушием.

Эта проблема как-то ставится в книге «Великие религии мира», написанной нами вдвоем с З.А.Миркиной. Книга эта выдержала три издания, и все они давно разошлись, так что я уверенно говорю о доступности ее для многих школьников 10-го, 11-го класса и, безусловно, для студентов. В некоторых институтах она давно используется, как учебное пособие. Основная идея этой книги сформулирована в заключительной главе: "Глубинное ядро одной религии гораздо ближе к глубинному ядру другой религии, чем к собственной поверхности». И главное препятствие на пути к мировой солидарности – массовая поверхностность, цепляющаяся за слова.

Может ли каждый гражданин почувствовать родство со всеми великими цивилизациями земного шара, рухнувшими и еще живыми? Это и мне недоступно. Но в какие-то трудные времена я находил колодцы в глубину и черпал из них ведро чистой влаги. К 1937 году я каждую неделю часа два проводил в Музее новой западной живописи и в

тишине его зал стоял у полотен Ренуара; потом до меня стал доходить Клод Моне и другие пейзажисты; а в конце концов и Пикассо, розовый, голубой. Никаких книг по искусству и меня тогда не было, я просто вглядывался и входил в безмятежный дух искателей света для сердца.

После войны я так же вглядывался в иконы Рублева, Дионисия и безымянных мастеров. Через несколько лет древняя икона, мертвая для большинства (и сегодня мертвая для большинства крещенных), воскресала для меня. Более того, она стала лучшим, что я находил в Третьяковской галерее. А в шестидесятые годы я так же вникал в средневековую китайскую «живопись гор и вод». Помогала жажда глубины, где чужое становилось своим. И постепенно расширялся круг своего в мировом искусстве и в мировом духе. Помогали этому и книги, которые я читал на работе, а частично брал на дом книги, передававшие духовный опыт своих авторов в исповеди и в искусстве. И мне хочется передать мой опыт пути к духовным окнам, пробитым в разных концах земного шара. В том числе в Индии и в Китае, где не было религиозных революций,

подобных переходу к единобожию или переходу от Ветхого к Новому завету.

Там старых богов не топили в реке, не ломали, как статуи Аполлонов и Венер. Их просто переосмыслили, дополняли новыми образами, отодвигая старые свойства в тень. В Китае (а по его следу в Корее и в Японии) примитивный образ космической женственности, инь, дополнялся образами текучести, сумеречной мглы, туманов, а образ-иероглиф ян, символ мужественности, ассоциировался с образами крутых гор, ясного света, красного цвета. Все это было зримо и толкало к развитию «живописи гор и вод». При этом конфуцианство толкало к четкому различию предметов, ясности линий, а буддизм – к таинственности мглы, из которой только чуть-чуть высывались зубцы скал.

Я представляю себе образ дальневосточной живописи как веер; справа четкие образы, слева – то, что я назвал «иконами тумана». Можно по-разному разворачивать веер, открывая либо то, либо другое. В последних десятилетиях династии Сун, когда монголы уже захватили земли к северу от Янцзы, китайские пейзажи разворачивают картины наступающей мглы. Настроение, которое они вызывают, перекликается с

картиной Левитана «Над вечным покоем». Предметы, изображенные там, другие, техника живописи другая, но что-то общее я чувствую. Отдельные примеры можно выбрать у других художников нового времени в Европе. Но в Европе не было культа природы, а на Дальнем Востоке он был, и свитки Ма Юаня или Сэсю (продолжавшего эту традицию в Японии) остаются почти всегда непревзойденными.

Оставляю в стороне Индию – там религиозный и художественный гений нашел другие пути. Размеры статьи не позволяют разбирать и этот пример. Достаточно сказанного, чтобы понять многоликость духовного единства мира. Не нужно только смешивать многоликость форм с многообразием опыта зрителя и слушателя. Для меня глубина иконы открылась с Троицы, для Зинаиды Александровны – с образа апостола Павла; а в конце концов мы оба вошли в незримый храм, за дверьми которого скрыт мир Андрея Рублева. И помогала нам не поверхностная терпимость, а жажда найти в себе глубину, отвечая на глубину искусства иных времен и народов.

Терпимость, граничащая с простой вежливостью, сглаживает противоречия, покрывает их пленкой, которая легко рвется при кризисе. Германия была

очень цивилизованной страной, но экономический кризис 1929–1933 гг. содрал с нее покровы, создававшиеся сотни лет, и Адольф Гитлер стал фюрером и рейхсканцлером, а очарованные им толпы – штурмовиками и эсесовцами. Подлинный мир между народами складывается только в глубинах. Только на последней духовной глубине исчезает ненависть рас и вероисповеданий.

Я писал уже об очень интересной конференции, состоявшейся в Лондоне в 1994 г. Далай-ламу пригласили там быть председателем. Он согласился и выбрал для анализа восемь отрывков из Евангелия. В начале каждого дня работы далай-лама зажигал свечу, от нее зажигали свои свечи другие, и полчаса все проводили в молчании. В этом молчании каждый находил свои слова или паузы между словами, но всё сливалось в одном духе, и этот дух сохранялся в докладе и прениях. Потом организаторы конференции, не торопясь, создали буддийский словарь для христиан и христианский – для буддистов. В 1997 г. материалы конференции были изданы. Я эту книгу прочел и нахожу ее одним из пособий в диалоге двух великих мировых религий. Хочется ее дополнить

несколькими подобиями, анализируя спорные проблемы других вероисповеданий.

Главные препятствия для такого диалога – не интеллектуальные, а нравственные, нежелание отказаться от чувства своего превосходства. Между тем, человечество, владеющее атомной бомбой и другими путями в ад, погибнет, если не сделает необходимых шагов. Пока что священнослужители защищают свою обособленность. А надо бы соединить свои усилия в поисках мирного решения мировых споров.

Я надеюсь, что Святой Дух поможет нам найти путь к спасению от угроз, нависших над нами: и от быстрой гибели, и от медленной смерти простым путем – удушением промышленными отходами. Я надеюсь, что религиозные объединения найдут свое место в этом святом деле, и верующие найдут общий язык с иноверцами и с гуманистами, далекими от всякой догматики.